

ПУТИ ГОЛГОФЫ

АЛЕКС МАРКМАН

Алекс Маркман
Пути Голгофы

«Автор»

2009

Маркман А.

Пути Голгофы / А. Маркман — «Автор», 2009

ISBN 978-0-9811637-8-9

Роман «Пути Голгофы» повествует о том мрачном времени, когда Римской империей правил обезумевший император Тиберий, в Иудее бесчинствовал его ставленник Понтий Пилат, и странствовал по земле Израиля Иисус Христос. Тогда появились, как ядовитые и могучие сорняки, крайне противоположные и одинаково губительные идеи, которые и привели к гибели Иудейское государство. История скрывает правду о событиях тех лет в тайниках тысячелетий, и оставляет людям только легенды, далекие от правды. В книге автор, основываясь на не-религиозных источниках и исторических фактах, попытался восстановить события того далекого прошлого, под влиянием которого до сих пор находится значительная часть человечества.

ISBN 978-0-9811637-8-9

© Маркман А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Выбор императора	7
Глава II. Символ над храмом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алекс Маркман

Пути Голгофы

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию книга основана на сохранившихся до нашего времени достоверных исторических документах, археологических открытиях и памятниках истории, проливающих свет на эпоху первого века нашей эры, а также на объективном научном анализе работ историков, свободных от влияния любой религиозной идеологии.

Наиболее объективными и заслуживающими доверия считаются труды Иосифа Флавия. Они повествуют о событиях того времени, происходящих в Иудее или имеющих отношение к Иисусу Христу, о наиболее известных религиозных сектах и основах их учений. Флавий упоминает также Понтия Пилата – прокуратора Иудеи, при котором распяли Христа, дает краткий обзор его правления, конфликтов, инициатором которых он был, и характеристику его личности.

Независимо от Иосифа Флавия Филон Александрийский в трактате «Против Флакка» также упоминает Понтия Пилата, и его мнение подтверждает точку зрения Иосифа Флавия об этом правителе Иудеи.

В «Анналах» Тацита содержится богатая информация о политике императора Тиберия и его всемогущего временщика Сеяна, благодаря которому, как полагают некоторые историки, Пилат был назначен прокуратором Иудеи. Тацит подробно описывает лавину доносов, бессмысленных судилищ и казней, затопивших Рим после того, как Тиберий обнаружил предательство и интриги Сеяна. Несомненно, взгляды и политика Сеяна и Тиберия были тем фундаментом, на котором основывалась политика Понтия Пилата в Иудее.

Никаких серьезных свидетельств о существовании Христа, представляющих историческую ценность, до сих пор не обнаружено. Христианская литература, начиная с Нового Завета, не выдерживает даже поверхностной критики.

И если вам, читатель, доведется посетить Старый Город в Иерусалиме, услужливый гид несомненно предложит вам показать путь, по которому вели Христа на казнь, и другие памятные, столь дорогие верующему христианину места. Он поведет вас на улицу, которая сейчас называется Виа Долороза (Via Dolorosa), в переводе – улица Страданий. Он покажет вам место, отмеченное декоративным камнем, к которому Иисус прислонил свой крест во время первой остановки на пути к месту казни. Он покажет вам много других памятников старины, расскажет захватывающе интересные истории, связанные с каждым из них, и приведет вас на Голгофу, где распяли Христа. Там он покажет вам Гроб Господень. Спросите тогда у гида: это те самые камни, дома и улицы, которые сохранились с древности до наших дней? Если гид добросовестный, он скажет, что все, что вы видели, создано спустя много веков после казни Иисуса, руками тех, кто почитает Его. Подлинная улица, по которой вели обреченных на казнь крестом, лежит где-то поблизости глубоко под землей, и находится она не там, где вьется ныне Виа Долороза. Сейчас перед вами – перенаселенный арабский квартал, построенный более тысячи с лишним лет спустя на занесенных землей развалинах города Иерусалима. Над руинами Второго Храма, столь дорогого Христу, стоит сейчас мечеть Омара, отражая золотым куполом ослепляющие солнечные лучи. Все здесь – легенда, рожденная человеческой фантазией, начиная от названия улицы и кончая Гробом Господним, созданным тогда, когда и следа не осталось от старого Иерусалима, в котором, по преданию, казнили Христа.

Как же могло случиться, что еврейский проповедник Ешуа, мало кому известный в то время, когда он жил, стал несколько веков спустя после своей мучительной смерти самой знаменитой личностью в истории человечества – Иисусом Христом?

Крошечная еврейская секта Его последователей называла Его сокращенно Ешу, на арамейском – Есу, прибавив Ему второе имя – а-Мешиях, что значит на иврите «Мессия». В районах греческой диаспоры Его имя стало звучать как Есус. Второе Его имя, Христос, на греческом тоже означает – «Мессия». В Римской и Греческой империях секты, верующие в мессианство и наставления рэбэ Ешуа, стали называться христианами. На русском его зовут Иисус Христос, на английском – Jesus Christ. Везде по-разному звучит имя распятого еврейского проповедника. Также по-разному представляют публике жизнь и учение Христа историки и служители церкви, но, за небольшим исключением академической литературы, это попытки пропагандировать свои взгляды и идеи в ущерб исторической правде.

В предлагаемом произведении автор попытался в художественной форме воспроизвести события эпохи Иисуса Христа, связанные с его жизнью или повлиявшие на его мировоззрение и судьбу, а также общую социальную картину, не искажая исторической правды в пользу субъективной точки зрения. Решения и поступки действующих лиц в романе основаны на обычаях и мировоззрении народов, населявших Иудею и Рим в первом веке нашей эры, и тесно переплетены с конфликтами и политическими маневрами многочисленных групп, которыми столь богата была эта эпоха.

Глава I. Выбор императора

Факелы слабо освещали внутренний двор, мраморные колонны вокруг маленького бассейна и черный проем в крыше над ним, устроенный для стока воды во время дождей. Порой пламя вздрагивало от слабых сквозняков, тогда тени сидящих людей метались по двору в беспорядке, как перепуганные слепые призраки в поисках убежища, налетали друг на друга, и разбегались, и таяли в темных углах.

– Планеты предвещают много странного в твоей судьбе, Понтий, – медленно и четко говорил астролог. В его глазах плескался зловещий красный свет. – Вознесешься ты высоко и будешь близок к императору. Прославишься ты, да не могу понять как. Что-то недоброе будет в твоей судьбе.

Жена Понтия, Клавдия, обняла мужа сзади и приблизила губы к его уху. От нее пахло вином.

– Наверное Сеян (Aelius Sejanus – командующий войсками охраны, сосредоточивший в своих руках огромную власть при Тиберии, впоследствии казнен императором. – Тацит, книга IV.), наконец, замолвил за тебя слово Тиберию, – взволнованным полусшепотом докучала она. – Ведь он покровительствует тебе.

Пилат хотел сказать ей «заткнись», но вовремя сдержался. Без ее связей с сильными мира сего путь вверх в Риме был закрыт. Потому-то Понтий терпел столько лет ее скандальное поведение, ставшее объектом обидных сплетен.

– Обещал много раз. – В голосе Пилата были слышны нотки раздражения. Клавдия разомкнула кольцо своих рук, поправила одежду на плече и села рядом на скамью. – Когда же это произойдет? – Он спрашивал Клавдию, но смотрел на астролога. – Мне уже за сорок. Если не сейчас, то когда же?

– Скоро, очень скоро, – убежденно закивал астролог. – Скорее, чем ты ожидаешь.

Пилат, бесстрашный, как большинство римских воинов, вдруг вздрогнул от четкого, разлетающегося в тишине треска копыт за высокой каменной оградой. Наконец лошадь замедлила шаг и замерла около ворот. Раздался неторопливый, уверенный стук в калитку. Кому дело до него в столь поздний час? Должно быть, что-то очень важное привело всадника сюда. В глазах Понтия Пилата, остановившихся на астрологе, вспыхнула и погасла искра удивления и острого интереса. Совпадение или действительно астролог смог заглянуть в будущее?

Из комнаты прислуги выскочил раб и, получив одобрителный кивок хозяина, бросился открывать ворота. Из крошечной темноты проема во двор вошел, касаясь рукой меча на поясе, легионер. Судя по одежде и оружию, это был воин высокого ранга.

– Император требует тебя к себе, – властным тоном сообщил он Пилату. И, отвечая на немой вопрос, добавил: – Сейчас.

Понтий непроизвольно моргнул, но тут же восстановил на лице маску мужественного безразличия. Не нарушая угрюмой тишины, он едва заметным движением головы отпустил посланца.

– Вот оно, – приглушенно, но уверенно промолвила Клавдия.

В самом деле, император не стал бы вызывать его, лицо ранга всадника, по пустякам. Ведь он же не патриций, не аристократ. Понтий видел Тиберия несколько раз в своей жизни, в основном в толпе приближенных, суетившихся вокруг владыки мира по случаю каких-либо важных событий или праздников. Сеян обещал посоветовать императору назначить Пилата праэтором Иудеи. А ведь он – командир войска, охраняющего императора. Сейчас он набрал такую силу, что зачастую руководит империей вместо императора. Неужели это?..

Пилат решительно подхватил свою накидку, перебрал через плечо и дал знак рабу выводить коня.

– Возьми его с собой для охраны, – посоветовала Клавдия, кивнув головой на слугу. – Опасно сейчас в Риме...

– Обойдусь. – Понтий принял от слуги меч, вышел за ворота и легко, тренированным прыжком бывалого воина залетел в седло.

Пустынная улица квартала знати, на которой стоял его дом, казалась необитаемой. Освещенная светом звезд и луны, повисшей как светильник на безоблачном небе, она, казалось, была остатком города, из которого жители сбежали, предвидя вторжение римлян. За этой мыслью Пилата последовала, как подцепленная крючком, другая: для множества рабов, привезенных из разрушенных римской армией городов, не нашлось применения ни на земле, ни в ремеслах. Беспольные в хозяйстве, отпущенные на свободу, без средств к существованию, не имея шансов найти оплачиваемую работу, они бродили днем по накаленным солнцем улицам города, занимаясь попрошайничеством и мелким воровством, а ночью искали возможность ограбить возвращавшихся поздно прохожих или вламывались в дома состоятельных людей. В кварталах знати редко кто из них отваживался промышлять: там наверняка наткнешься на конный или пеший патруль. Но были и такие, которые ничего не боялись. Доведенные до отчаяния голодом, презрением окружающих и ожиданием скорой смерти на грязных, вонючих улицах бедноты, они шли на любой риск. Римская знать предпринимала все возможное, чтобы обуздать преступников. Одним из самых эффективных методов считалось зрелище, устраиваемое перед гладиаторскими боями. Осужденных на смерть выгоняли на арену, безоружных или слабо вооруженных, драться с дикими животными, которых свозили для этого спектакля из далеких стран: львами, леопардами, медведями и быками. Жадная до кровавых зрелищ толпа свободных римлян пьянела от вида разрываемого на части человеческого тела и звука его предсмертных мук. «Закон суров, но это закон», – гордо провозглашали те, кто приводил его в исполнение. «Плевать на ваш закон», – говорили грабители. Ведь многие из них раньше были воинами, взятыми в плен в рабство, и насильственная смерть была для них исходом самим собой разумеющимся.

Вдали, на перекрестке, промелькнули, как привидения, два силуэта и скрылись в переулке. Понтий коснулся локтем рукоятки меча и слегка сдавил пятками коня. Конь пошел быстрее, но не вскачь, ибо лабиринты бедных кварталов, по которым проезжал Пилат, не были приспособлены для быстрой езды. На нагретой за день солнцем каменной мостовой спали люди. Проплыл справа остов сгоревшего дома. Его обитатели сидели, сбившись в кучу, при свете лучин. На одной из площадей горел факел, в его слабом мерцании можно было различить четырех девочек, лет двенадцати – тринадцати, улыбавшихся всаднику заученной улыбкой проституток. Даже при слабом свете пламени Пилат рассмотрел, что это девушки с востока: прямые темные волосы, миндалевидные глаза, длинные носы... Ему показалось, что у самой младшей в глазах блеснули слезы. Редко какой из них удавалось зацепить клиента из состоятельного сословия. В основном это были мужчины из того же квартала, припрятавшие гроши от скудного заработка или гулявшие на остатки от краденого.

Миновав район бедноты, Понтий заторопил коня. Быстрая езда не отвлекла его от лихорадочных мыслей, накалявших мозг перед встречей с императором. Сейчас он был почти уверен, что Сеян предложил Тиберию назначить Пилата... Но куда?

Сеян не раз говорил, что уже больше года в разговорах со своими приближенными император возвращался к обстановке в Иудее. В этой крошечной провинции становилось неспокойно. Беспорядки возникали в разных местах ее, казалось, без видимой на то причины. Местные правители не в состоянии были навести порядок. Император назначал туда римского правителя только тогда, когда положение становилось серьезным и нужна была твердая рука. Иудея не то место, куда назначают консула. Для Пилата же пост правителя Иудеи был бы большим повышением. Правитель Иудеи, посланный самим императором! Ведь он будет там, как представитель Бога на земле. Его пост предполагает неограниченную власть. Его решения –

окончательные, оспариванию не подлежат и должны выполняться немедленно. К его услугам – лучшие дворцы, многочисленные слуги, послушные когорты солдат и угодливая, льстивая местная знать. От этих мыслей, как от самого хмельного вина, кружилась голова.

У ворот дворца он спешил. Впервые за много лет робость гулко, встревоженно трепыхалась в груди. Стража сурово оглядела его и открыла ворота. Два охранника забрали у него меч, проводили, как пленника, до покоев императора и разрешили войти.

Тиберий сидел на лавке, в зале, освещенном многочисленными свечами. Вблизи он казался большим и грузным. Коротко подстриженный, лысеющий, с болезненной припухлостью под глазами, он мог бы сойти за обыкновенного римлянина, если бы не спокойная, но почти физически ощущаемая сила взгляда, безошибочно определяющая владыку мира. Годы, однако, властвуют над всеми смертными, даже над императорами, с небольшим злорадством подумал Понтий. Тиберию уже далеко за шестьдесят. Пора бы выбрать преемника. Наверняка это будет его сын Друзус. А Друзус не любит Сеяна. А у Сеяна сейчас власти больше, чем у Друзуса. Вот будет Понтию головомка, когда Тиберий умрет.

Тиберий сразу приступил к делу.

– Я назначаю тебя праэтором Иудеи.

– Благодарю, император, – торжественно заговорил Пилат, пытаясь скрыть горячую волну счастья, но Тиберий остановил его речь слабым движением руки.

– Я знаю, что ты изучал религию этого народа и знаешь его обычаи.

Пилат кивнул в знак согласия, готовый при первой возможности подтвердить, как много он знает об иудеях.

– Мне нужен там такой человек, – продолжал император, убедившись в умении Пилата внимательно слушать. – Сеян хвалил тебя, а ему я верю.

Император помолчал, его взгляд стал угрожающе внимательным. Пилат понял, что сейчас Тиберий скажет что-то очень важное, и ожидает реакции на свои слова.

– У тебя, Понтий, будет безграничная власть, подобная власти императора. Обращайся с ней разумно. Всякий бунт или беспорядок наказывай, как римлянин, однако будь справедлив. От поступлений из провинций зависят мощь и процветание Рима. Помни: разумный пастух стрижет своих овец, но не сдирает с них шкуру.

Тиберий снова замолчал, а Пилат счел уместным поддержать разговор.

– Мне известно, что местные сборщики налогов наглеют не в меру.

– Это происходит во всех провинциях, – согласно кивнул Тиберий. – Помимо этого, ты найдешь в Иудее многое, что тебя удивит.

Он задумчиво уставился вдаль. Свет свечей красной точкой мерцал в его глазах. Сморщенные губы императора растянулись в слабой, слегка презрительной улыбке.

– Станный народ, и странный у них Бог, – возобновил он монолог, глядя в темноту, начинавшуюся прямо за факелами. – Обрезают крайнюю плоть у младенца. Все, что они делают, – во имя их Бога. Говорят про себя: мы – избранный народ. Избранный для чего? Для несчастий? Но вот что меня удивляет больше всего, Понтий: почему другие народы, даже эллины, принимают иногда их веру? Смотри, сколько общин иудейской веры сейчас в Риме, Александрии, да и во многих других городах империи. Не все они изначально иудеи. Попробуй понять это. Но не преследуй их обычаи, не раздражай их понапрасну.

– Я найду советников среди их священников.

– Это правильно, – одобрил Тиберий. – Но возьми с собой еще когорту солдат. Я уже дал распоряжение. Тебе понадобится дополнительная сила, и я уверен, очень скоро. Там сейчас неспокойно. У иудеев нет армии, но все они хранят оружие. Когда-то они были лучшими солдатами в этом районе. Сейчас, даже без опыта войны, они могут быть источником многих неприятностей. Валерий Грат не раз извещал меня, что иудеи намереваются восстать против Рима. Веруют, что их Бог им поможет. Против Рима! Безумный народ!

Император долго тер глаза кулаками, как ребенок, а потом скопил их на Понтия в подозрительном прищуре помятых век.

– Устал я от придворных интриг, – вздохнул он. – Устал от проблем. Хочу поставить на места надежных, способных людей и отойти от дел. Переселюсь на Кипр, в свой загородный дворец. Будешь ли верным мне, Понтий?

– Да! – горячо выпалил Пилат и хотел было продолжить свою речь, но Тиберий знаком велел замолчать и удалиться.

Выйдя за пределы дворца Пилат погнал коня вскачь, чтобы дать выход буйству чувств и мыслей, которые вспорхнули, как потревоженная стая птиц, и заметались в беспорядке. Сеян был известен своей неприязнью к иудеям. Во время одной из коротких, но доверительных встреч он признался Пилату, что когда-нибудь выгонит иудеев из Рима и Александрии.

– Тиберий их тоже не любит, однако он не сторонник крайних мер, – сожалел Сеян. – Такие, как ты, Понтий, будут нужны мне, когда придет время.

Значит, время пришло, решил Пилат. Конь его, не сдерживаемый удилами, мчался с сумасшедшей скоростью, как преследуемый голодными волками. Вдруг он шарахнулся в сторону с такой силой, что чуть не сбросил Пилата. Пилат успел заметить впереди огромный памятник, внезапно оказавшийся на их пути, о который они чуть не разбились.

– Это мне знак с небес, – сказал сам себе Пилат, сдерживая коня. – Нельзя терять голову от счастья. Недаром же говорят, что Боги отбирают у человека все, когда он достигает вершины своей мечты.

Несмотря на поздний час, Клавдия еще не спала. Поймав его взгляд, она просияла.

– Правитель Иудеи? – ее вопрос звучал как поздравление.

– Собирайся в дорогу, – с грубоватой дружелюбностью солдата приказал он. – Через полмесяца отплываем в Цезарею.

Пилат не стал терять времени. Наскоро собрав когорту, провиант и лошадей, он отправился в далекий путь. Путешествие оказалось долгим и утомительным, но наградой за неудобства была Цезарея, резиденция праэтора, которая показалась ему прекраснее, чем он ее представлял в своих фантазиях. Пилат приказал когорте солдат, сопровождавших его, идти напрямик в Ерушалаим и стоять там в крепости Антония, расположенной возле стен Храма Господня. Во время больших праздников город разбухал от множества пилигримов разного сорта: привозивших жертвенных животных, отдававших часть своих доходов в пользу Храма, жаждущих поклониться Богу в самом священном для иудеев месте; тех, кто занимался торговыми или финансовыми делами; или преступников, у которых всегда больше дел там, где много народу. Нередко в это время возникали беспорядки, порой доходившие до настоящего бунта и вооруженных столкновений с римскими войсками, находившимися там постоянно для охраны порядка. Уверенный, что военное подкрепление в Ерушалаиме будет залогом спокойствия как в городе, так и в стране, Пилат решил отдохнуть в Цезарее, во дворце императорских наместников, своих предшественников, и отложить дела на несколько дней.

Глава II. Символ над храмом

Предрасветная серость уже начала растворять ночь, но город Ерушалаим еще не был виден с Горы Оливок. Ешуа проснулся с чувством тревоги, почти страха и пытался понять его причину. Он сел, скрестив ноги, прислушался к тишине обволакивающей темноты и огляделся. Но увидел он только спящего Симху, попутчика из Галилеи, с которым они вчера уснули прямо под деревом, на земле; ни у кого из них не было денег даже на самую дешевую гостиницу в Нижнем Городе – скученном, перенаселенном квартале бедного рабочего люда, примыкающем к стенам Ерушалаима. Свет звезд и луны, обычно столь яркий в горах, что позволял видеть все вокруг почти как днем, не мог пробиться в это утро сквозь густые облака, предвестники осенних дождей.

Ешуа очень редко испытывал страх. Может быть, в далеком детстве или юности, но не в зрелые годы, когда он уверовал, что его судьба в руках Бога и ничто не произойдет с ним без воли Его. Однако сейчас даже эта мысль не помогла ему обрести спокойствие души. И хоть не всегда он мог распознать, что именно грядет, Ешуа знал, что предчувствие его никогда не обманывает.

В ожидании рассвета он стал вспоминать и вновь переживать события последнего месяца. В деревушке Кфар Амизрах, расположенной в нескольких часах ходьбы к югу от городка Магдала, что в Галилее, он подошел к местной синагоге и, встав на плоский камень, торчавший на краю маленькой площади, начал свою проповедь. Ему нужно было возвышение, ибо роста он был невысокого, как большинство здешних мужчин, и те, что находились в задних рядах, могли его не увидеть. Его густая черная борода, длинные, беспорядочно свисающие волосы, изношенная одежда и горящие пламенем веры глаза сразу же привлекли внимание кучки людей, сидевших на ступеньках синагоги. Он был похож на проповедника, какие порой появлялись в Галилее, объясняя на свой лад мудрость и заветы Книги.

– Я пришел, чтобы указать вам прямые пути в Царство Небесное, – начал он свою речь, обращаясь к трем рабочим, проходившим мимо. С серпами в руках, утомленные тяжелым трудом и безжалостным солнцем, они остановились и стали разглядывать его, слегка прищурившись, с недоверием мытарей, отчаявшихся найти в жизни свой путь.

– Вы не услышите от меня того, что говорит ваш рэбэ, фарисей или седукей. Расскажу я вам истины, которые сокрыты от вашего разума и которые никто вам не расскажет.

К косарям присоединился молодой мужчина лет двадцати пяти– двадцати шести, примерно того же возраста и роста, что и Ешуа. В выцветшей одежде, но аккуратно подстриженный, он рассматривал окружающих угрюмым, подозрительным взглядом.

– Как тебя звать, рэбэ? – В его голосе звучала злая сила и холодная жестокость.

– Есу. – Ешуа произнес свое имя на арамейский лад. – А тебя?

– Симха. Ты сказал – фарисей? – Бас его был раскатистый и громкий, как у великана. – Кто же радеет за народ больше, чем фарисеи? Кто идет на смерть в борьбе с римлянами, если не фарисеи? Кто, как не фарисеи, против римского рабства?

Не было у Ешуа ни одной проповеди, во время которой он бы не услышал гневный протест против нападков на фарисеев. Эту секту народ признавал и любил, и потому неудивительно, что в малой кучке его слушателей оказался защитник фарисеев, а, быть может, один из членов их секты.

– Рабство – это только навязанное нам ярмо, – ответил Ешуа, воодушевляясь. Любое возражение вызывало у него яростное желание ринуться в словесный бой. – Мы должны быть свободны внутри, свободны духом. И если мы выберем эту свободу, у нас никто не сможет ее отнять.

Симха взорвался гневной тирадой. Судя по манерам и речи, он не был из простого люда. Однако густой загар, загрубевшая кожа и выдавшая виды одежда безошибочно определяли в нем бродягу, который редко находился в тени или под крышей дома.

В маленькой деревушке новости распространяются быстро, как будто невидимый глашатай разносит их по домам с волшебной скоростью. Вскоре возле молельни собрались почти все жители. Между ними осторожно, но настойчиво стала протискиваться молодая женщина. Достигнув первых рядов, она остановилась и уставилась на Ешуа большими черными миндалевыми глазами.

– Мы уже были рабами в Египте! – кричал кто-то в толпе. – Мы больше не хотим ими быть.

– А что ты можешь сделать против римлян? – возразил другой. – Уж не хочешь ли ты воевать с ними?

Ропот одобрения и осуждения сопровождал их выкрики. В спор вступили почти все, не слушая друг друга и отчаянно жестикулируя. А Ешуа в это время пытался оторваться от прекрасных женских глаз. Известно, что дьявол-соблазнитель может достичь больших успехов, используя женскую красу.

Замешательство Ешуа длилось недолго. Привыкший с детства подавлять в себе грешные мысли, он перевел взгляд на собравшихся и поднял руку. Его голос перекрыл их гул.

– Сначала исполняйте в сердце своем то, что завещано нам Моисеем: искорените в душе своей все нечистые помыслы, а потом уже решайте проблемы земные.

Черные глаза – Ешуа опять на них натолкнулся – метнулись в сторону, потом опустились вниз. Длинные ресницы, как веер из павлиньих перьев, плавно поднялись вверх и замерли. Это произошло в момент, когда он хотел сказать людям, как они должны жить, чтобы быть чистыми в сердце своем и в помыслах своих. Но в тот день сказать это ему не удалось. Из переулка, прямо за углом, послышался шум быстро приближающихся шагов, как будто большая толпа спешила к синагоге. Это было настолько необычно для маленькой деревушки, что все смолкли, в страхе повернув головы в сторону доносившегося шума. И тотчас из-за угла появились люди, у каждого на поясе висели ножны, из которых торчали, тускло поблескивая, рукоятки мечей. Молодые, с фигурами и осанкой воинов, они могли бы сойти за римских солдат, если бы не пестрый разнобой в одежде и обуви. В основном на них были черные, серые и голубые туники разного покроя, но у некоторых единственной одеждой была набедренная накидка, похожая на те, что носят солдаты римской пехоты: она прикрывала тело от пояса до колен. В оружии тоже не было однообразия. У одних – щиты легкие и маленькие, обтянутые кожей. У других – большие и тяжелые, какие редко встречались в Иудее. У большинства, однако, руки были свободны, и они размахивали ими широко, в такт уверенных и быстрых шагов.

Это походило на случайное, беспорядочное сборище людей, и все-таки это было дисциплинированное воинство. Без суетливости и угроз, но организованно они стали окружать площадь. Один из солдат быстро прошел через пугливо расступившуюся толпу, с налета столкнулся твердым плечом Ешуа с камнем, и сам немедленно взобрался на возвышение. От могучего удара Ешуа грохнулся на землю, но сразу же вскочил на ноги. Боль от ушиба не отразилась на его лице; оно продолжало хранить достоинство проповедника. Бесстрашно, с вызовом он встал напротив вооруженного обидчика, но тот не удостоил его взглядом.

– Вы все сейчас должны разойтись по домам, – властно заговорил с камня прищелец. Его арамейский, без малейшей примеси акцента говор не оставлял сомнений в том, что он – местный, иудей из Галилеи. – Каждый должен приготовить для нас зерно, вино и что-нибудь из одежды.

Из толпы пропищал слабый, но возмущенный женский голос.

– Довольно вам обирать нас! Десятину даем в храм, римляне обложили нас налогами, царю подавай, а сейчас вы нас грабите. На что нам жить?

– Мы не грабим вас, – возмутился оратор. – Мы боремся против римлян, и вы должны помогать нам. Весь народ должен бороться против Рима. А сейчас разойдитеесь и ждите нас в домах. Нам нужно уйти отсюда, пока не подоспели римляне. Иначе всех вас убьют.

– Безумцы! – выкрикнул Ешуа. – Рим раздавит вас, как жука! И не заставляйте тех, кто не хочет, присоединяться к вам. Не настало еще время для а-машиях (мессии) прийти и освободить народ. А ты – не машиях, и не сможешь сделать то, что только Господь или Его посланец сможет.

Тот, что стоял на камне, проткнул воздух пальцем в сторону Ешуа, будто указывая на осужденного преступника.

– Ты должен знать – мы никогда не смирились с рабством. Для нас это хуже смерти. А те, кто не готов умереть с нами, погибнет от наших мечей. Кто не с нами, тот против нас. Понятно?

Он взмахнул рукой, и повстанцы, повинувшись его команде, принялись разгонять народ. Тех, кто замешкался, подгоняли пинками, угрозами, а порой и обнаженным мечом. Площадь быстро опустела. Не ушли только Ешуа и Симха. Командир повстанцев сошел с камня и подошел к Ешуа вплотную, сверля его взглядом.

– Почему ты не ушел? – Командир обращался только к Ешуа, но не к Симхе.

– Оставь его, Аристофан, – вмешался Симха, обращаясь к командиру, как к старому знакомому. – Он сам уйдет. Он не здешний, нет у него здесь дома.

– Никто не может командовать мной, кроме самого Бога, – продолжал возмущаться Ешуа. – Не боюсь я никого: ни вас, ни римлян.

Он отвернулся от Аристофана и подошел к воину, левая рука которого, обнаженная до плеча, была неумело перевязана выше локтя окровавленной тряпкой.

– Как тебя зовут? – обратился он к раненому.

– Натаниель. А тебе что?

– Дай мне посмотреть твою рану. Она совсем свежая, сегодня утром перевязанная, и сделано все наспех. Может начаться гангрена, и тогда недолго тебе жить.

Наступила пауза, во время которой из нескольких дворов донеслись вопли протеста. Повстанцы, как видно, забирали у хозяев больше, чем они были согласны. Отчаянно блеял ягненок – его схватили крепкие руки.

– Ты верно говоришь, – почти дружески ответил раненый. – Сегодня утром мы столкнулись с римскими конниками. Их было с десятков – всех убили, но вот один успел меня ранить. Ничего не поделаешь – война.

Ешуа ничего не ответил. Он подтолкнул Натаниеля к камню, и тот сел, повинувшись легкому нажатию руки на плечо. Ешуа осторожно снял грязную повязку и внимательно осмотрел открытую рану. Порез, хоть и глубокий, не проходил через артерию. Его края были покрыты толстым слоем черной, сохшейся крови. Ешуа достал из своего мешка кожаный сосуд с водой, смочил ею чистую тряпку и стал промывать рану. Раненый не морщился и не протестовал, как будто не испытывал никакой боли. Он с любопытством наблюдал, как рана становилась чистой снаружи и внутри, и вновь закровоточила. Ешуа достал из мешка листья каких-то растений, закрыл ими пораженное место, потом вытащил матерчатую ленту и тщательно замотал рану.

– Старайся не напрягать эту руку по крайней мере пять дней, – посоветовал он. – Нужно, чтобы рана затянулась, срослась. Вот тебе немного листьев – заменишь старые при перевязке, но промой ее перед этим.

Ешуа перекинул мешок через плечо и зашагал по узкой, пыльной улочке прочь от синагоги, не обращая внимания на повстанцев, торопливо несущих из домов захваченное. В конце улицы вопли уже смолкли. В проемах распахнутых ворот можно было видеть суетившихся, расстроенных хозяев. Во втором доме с конца – он был один из самых маленьких – калитка была полуоткрыта. Там стояла она.

– Зайди к нам, рэбэ, – пригласила женщина, отступая на шаг и пропуская его.

– Как тебя зовут? – спросил Ешуа, переступая порог и оглядывая тесный двор. На земле в беспорядке была разбросана солома; ослик что-то равнодушно жевал в углу; каменная ступа для молотыбы зерна, со сколами по краям, торчала как могильный памятник на грубо сколоченной деревянной подставке. Пахло навозом, нагретым сеном и свежeweыпеченным хлебом. Рой назойливых, кусачих мух раздражающе жужжал над самым ухом.

– Мирьям, – представилась она. На вид не более девятнадцати лет, вела она себя чересчур смело для незамужней иудейской девушки. – Присядь, рэбэ Ешуа.

– Откуда ты знаешь мое имя? – удивился он, примостившись на краю лавки.

– Я тебя видела в прошлом году в Магдале, когда ты говорил у синагоги. Мы там жили раньше. Нам было тяжело тогда. Отец мой заболел проказой и его выгнали из города. Братья разбрелись кто-куда за заработками. А тут смерть унесла брата моей матери и всю его семью, вот мы и переехали сюда, в его дом.

Мирьям присела на другой конец лавки, поправила каменную заколку в волосах и улыбнулась. Из глаз ее заструились лучи беззаботной, юношеской радости.

– Когда ты говорил там, в Магдале, нам с матерью легче стало на душе, как будто ты влил в нас эликсир, приносящий покой.

Ешуа попытался определить, была ли она замужем. В ее годы женщина уже имеет детей, а эта, так хороша собой, похоже до сих пор одинока, что бывает редко в Галилее.

– Не могу задерживаться я у вас, – сказал Ешуа. – У меня путь долгий. Но я вернусь сюда через несколько месяцев. И обязательно остановлюсь у вас.

Он поднялся, подошел к калитке, оглянулся и, встретившись с пугающими бесконечной нежностью глазами, резко повернулся и вышел.

Улица опустела. Повстанцы уже убрались восвояси, а жители еще не вышли, подсчитывая ущерб. Только у последнего дома, что на выходе из деревни, стоял человек. Это был Симха.

– Ты не ушел со своими друзьями? – спросил Ешуа приближаясь.

– Я жду тебя, Ешу. Может, я буду тебе попутчик. Куда ты направляешься?

– В Ерушалаим.

– Я так и думал. Я тоже иду туда. Что за дела у тебя там?

– Я буду молиться в Храме и говорить с Господом. А также буду говорить с народом – скоро праздник, отовсюду люди соберутся там во множестве. А тебе зачем?

Симха оглянулся и, убедившись, что его никто не видит, вытащил из-под накидки загнутый кверху кинжал – сику, как здесь на римский манер называли это оружие. Ешуа кивнул в знак понимания и зашагал к лесу, искоса разглядывая попутчика. Он знал, что zeloty – наиболее фанатичная секта фарисеев – применяли сику для тайных убийств как римлян, так и тех иудеев, которые активно сотрудничали с ними. За это в народе прозвали их сикариями. И римские, и иудейские власти охотились за ними, но поймать редко кого удавалось. Среди сикариев не было предателей, и никакие пытки не могли заставить их выдать товарищей по оружию.

– У меня в Ерушалаиме есть поважнее дела, чем молиться в Храме, – сказал Симха. Он улыбнулся и спрятал кинжал. – А когда по Самарии пойдем, сика нам будет хорошей защитой. Если кто на нас нападет, получит ее в живот.

Путь по Самарии оказался гораздо спокойнее, чем Ешуа предполагал. Самаритяне хоть и провожали их враждебными взглядами, напасть не решались или не хотели. А если кто и приближался к ним с недобрыми намерениями, Ешуа начинал с ними говорить и быстро менял их настроение.

От воспоминаний Ешуа отвлек зашуршавший в листьях деревьев дождь. Симха тоже проснулся и сел, как и Ешуа, скрестив под собой ноги.

– Ты не спал? – спросил он.

– Нет. Кажется мне, что-то неладно в Ерушалаиме. Может, беда какая приключилась.

– Какая беда может там быть ранним утром? – удивился Симха, удостоив Ешуа сонным, насмешливым взглядом.

Шуршащая дробь дождевых капель, падающих на ветви смоковницы, сменилась шелестом листвы, потревоженной легким ветром. Небо начало светлеть, а внизу сквозь туман стали проступать темные очертания городских стен и пятна зданий за ними.

– Туча прошла мимо, – заметил Симха, уставившись в небо. – Дождя не будет. Все равно уже не заснуть. Пойдем в город?

В это время со стороны города донесся какой-то слабый странный шум.

– Подождем, пока туман рассеется, – предложил Ешуа тихо, прислушиваясь. – Сейчас все ворота заперты. Так рано никто их не откроет.

Солнце поднялось над вершинами холмов, и с его появлением стал крепчать ветер, сдувая тучи с Горы Оливок. Очертания зданий и стен с каждой минутой становились резче и яснее, а когда последние клубки тумана растворились, как остатки дыма, заблестал внизу золотом и белым мрамором, как волшебное видение, огромный храм.

Бывал Ешуа в Ерушалаиме и прежде, но каждый раз панорама, открывающаяся с высоты птичьего полета, вызывала у него благоговейный трепет и восторг.

Большую часть города занимали дворцы бывших царей и вельмож. Окруженные неприступными стенами, они были видны только сверху. Их архитектура и отделка могла соперничать с богатейшими резиденциями Рима и Греции. Царь Ирод Великий и те, кто были после него, не жалели денег, чтобы сделать город самым красивым в мире. То, что они построили, поражало своим великолепием: бассейны с горячей водой, пополняющиеся из расположенных вблизи горячих источников; ипподром, где развлекаются скачками сильные мира сего; открытый театр; рынок, где торгуют дорогими товарами, свезенными со всего света; непонятные постройки небесной красоты – все это походило на мираж. А за дальней, западной стеной города, у самого правого угла его, виднелись очертания Голгофы – горы, а вернее холма, на вершине которого казнили крестом преступников. Ее еще не было ясно видно: большой белый клоч тумана зацепился за ее вершину.

К северной стене храма примыкала крепость Антония, в которой располагалось римское войско. На примыкающей к ней площади Ешуа разглядел небольшую группу людей. Их присутствие в столь ранний час показалось ему странным, ибо город еще спал и его улицы были пустыни.

Люди, казалось, находились в сильном возбуждении. Они носились в беспорядке, как потревоженные муравьи, иногда сбивались в кучу, как на срочное, тайное совещание, а потом опять разбегались. Доносились крики, нарушавшие покой раннего утра.

– Слышишь? – почти шепотом спросил Симха. Брови его поднялись в встревоженном удивлении.

– Пойдем в город, – не то предложил, не то скомандовал Ешуа, поднимаясь. Он подхватил свой мешок и перебрал его через плечо, всем своим видом показывая, что вот сейчас он отправится в путь. Симха вскочил на ноги.

– Пойдем. Может, и вправду там что-то происходит. Тебе, как видно, дано от Бога знать то, что другим не дано.

Ешуа зашагал вниз по узкой каменистой тропе, беспорядочно петляющей среди деревьев, как небрежно брошенная изношенная веревка. Хруст мелких камней и песка под его и Симхи сандалями звонко разлетался в пахнущей свежестью тишине утра. Город быстро приближался, а когда они спустились в долину Кедрон, он исчез за высокой каменной стеной. Путники подошли к воротам справа от храма, ведущим к бассейнам Батесда. Они оказались заперты. Симха в раздражении ударил по ним кулаком.

– Никто не открывает, – разочарованно сказал он. – Слишком рано.

Однако за стеной послышалась возня, грохнул металлический засов и мощные, из кованого металла створки медленно раскрылись. В проеме появился охранник, он поправлял меч на бедре и ощупывал пришельцев пытливым взглядом. В его обязанности, помимо охраны порядка, входило собирать налоги на все, что привозилось в Ерушалаим и вывозилось.

– Чего несете с собой? – спросил он, с интересом взглянув на мешок Ешуа.

– Все, что видишь, – с вызовом ответил за двоих Симха. – Скажи лучше, что там происходит?

Стражник отступил, дав знак проходить.

– Не знаю. Еще смена не пришла, они расскажут. А вы то что так рано? Чего вам не спится?

– Дела у нас там. – Симха загадочно усмехнулся.

– Дела, – передразнил охранник и вполголоса пробормотал: – Какие могут быть у таких дела? Ходит тут нищета.

Торопливо, не обращая внимания на великолепие построек, прошли они мимо бассейнов и далее, через арку, на площадь, где находился дворец правосудия римского правителя и крепость Антония, в которой располагалось римское войско. Здесь было уже сотни три людей. С искаженными от страха и гнева лицами, они что-то кричали, яростно жестикулировали и время от времени указывали пальцами в сторону крепости. Когда Ешуа посмотрел туда, куда были обращены взоры толпы, он содрогнулся от ужаса. Возле одной из башен, примыкавшей к святому храму, на верху примыкающей стены, он увидел древко, на котором были прибиты металлические квадраты с изображениями императоров и выдающихся римских полководцев. Вершину древка венчала фигура орла: он расправлял крылья, готовясь к взлету. Ешуа знал, что это называлось сигной – символом римского воинства, которое должно быть неотъемлемой частью и гордостью каждой когорты. Однако выставление напоказ фигур людей и животных, нарисованных или сделанных, преследовалось у иудеев смертной казнью. Считалось, что подражать Богу в создании живых существ – значило совершать великий грех. Поставить же их возле святого святынь – храма, центра поклонения Богу иудеев всего мира, являлось невиданным оскорблением, надругательством над всем народом и открытым вызовом (Подобный случай описан у Иосифа Флавия. Кн. 2, гл. 9).

– Ешу, смотри! – закричал Симха. Его бас странным образом сорвался на визг. – Смотри, что сделали поганые!

На стене крепости появилось несколько сонных солдат. Они были без оружия, в наскоро наброшенных туниках, и разглядывали собирающийся народ с любопытством людей, для которых все было внове.

– Содомиты! – кричали из толпы. Для иудеев такое ругательство было величайшим оскорблением. Ведь Господь предал огню и пеплу города Содом и Гоморру за грехи любовные между людьми одного и того же пола. В Иудее за это полагалась смертная казнь, тогда как римляне относились к таким связям более терпимо, а греки вообще не считали их грехом.

– Кровосмесители, – неистовствовал закутанный в белый плащ старик с длиннющей бородой. – Совекупляетесь со своими матерями, дочерьми и сыновьями! Проказу на вас, смерть на вас должен наслать Господь.

Группа молодых людей поддержала его, выкрикивая оскорбления в сторону римлян. При этом они позволяли себе выражения, недопустимые в более спокойное время вблизи храма. Бородатый старик подбежал к ним, поднял вверх иссохшие, костлявые кулаки и закричал, срываясь на визг:

– Бегите на Верхний Рынок! Сзывайте народ! Бегите в Нижний Город и расскажите, как поганые оскверняют наш храм. Бегите же, бегите, не стойте как истуканы.

Молодежь побежала в переулки, крича во всю силу своих легких и стуча в запертые ворота домов и дворцов.

– Что ты скажешь, Ешу? – спросил Симха. – Ты говоришь, что тебе вся мудрость Книги открыта.

А Ешуа не знал, что сказать. Поставить изображения людей или животных в городе, да еще прямо под стенами храма, значило оскорбить верующих в самых святых чувствах. Положение усложнялось еще и тем, что на одной из дощечек был изображен Гней Помпей, который завоевал Израиль, подчинил его Риму и первый из иноверцев ворвался к алтарю с мечом в руке. Такая наглость могла возмутить народ и спровоцировать его на восстание. А безумцы, как Симха, будут только рады. Они сами готовы погибнуть в любой момент и не пожалеют о людях, погибших вместе с ними. Но если смириться с орлом над Храмом, Господь не простит тех, кто терпит такое надругательство над домом и народом Израиля.

Люди бойко прибывали, и вскоре площадь и прилегающие улицы заполнились возмущенной толпой. Солдаты в крепости забеспокоились и стали выходить на стены, держась за рукояти мечей.

– Что же, они не знают, что нельзя этого делать? – спросил Ешуа тех, кто стояли вблизи.

– Это новые, – откликнулся один из них. – Пришли только вчера вечером, когда уже стемнело. Никто из них не говорит по-нашему.

На стене появился, судя по длинному мечу, подвешенному на плече, трибун из старших офицеров. Он поднял руку, и толпа стихла.

– Что происходит? – спросил трибун на иврите, исковерканном латинским акцентом. – Почему вы здесь собрались?

Толпа вздохнула могучим рыком: каждый хотел объяснить по-своему, что случилось. Разобрать в этом гаме что-либо было невозможно, но трибун проследил взглядом, куда указывала толпа, и понял, в чем дело. Он снова поднял руку и подождал, когда наступит тишина.

– Я знаю ваши обычаи, – напрягая голос, заговорил он. – Я уже десять лет нахожусь в Ерушалаиме. Мы никогда не устанавливаем здесь нашу сигну. Но вчера пришла новая когорта, и им неизвестны ваши обычаи.

– Так пусть уберут свою сигну! – потребовали в толпе. – Вы же знаете, что этого нельзя делать!

– Я не их командир, – старался перекричать гул возмущения трибун. – Просите нового праэтора. Разойдитесь, не устраивайте беспорядки.

Симха подбежал к стене и, повернувшись к толпе, поднял обе руки вверх, привлекая к себе внимание.

– Бегите, поднимайте народ! – закричал он. – Доставайте ваши мечи! Вы ничего не докажете поганым!

– Безумец, – вмешался Ешуа, и толпа вдруг стихла. – Накличешь ты несчастье на народ Израиля. Придут римляне в великом множестве, и наступит конец всем.

– Так что ты предлагаешь? – закричал своим обычным громовым басом Симха.

– Смирение я предлагаю. Смириться в душе своей. Настанет час, и Господь сам накажет их за все грехи.

Толпа взорвалась гневным ревом, но вдруг опять стихла и расступилась. К стене прошли и выстроились вдоль нее старейшины синhedрина. Одному из них, самому низкорослому, принесли подставку. Он взобрался на нее и стал ждать, пока толпа утихнет.

– Замолчите же! – закричали из первых рядов. – Эзра будет говорить. Тише.

Не прошло и минуты, как на площади стих последний возмущенный крик.

– Не слушайте тех, кто призывает вас к беспорядкам, – уверенно, как опытный оратор, обратился к толпе Эзра. – Бунт принесет нам много горя, а сигна останется. Я уверен, что мы сможем убедить нового праэтора убрать ее. Ведь он не знает еще наших обычаев и нашей веры. И солдаты, которых набирали в Риме, тоже их не знают. Мы должны пойти в Цезарею к новому праэтору, Понтию Пилату, и просить его убрать сигну. Весь синhedрин пойдет. Я

прошу членов благородных семей присоединиться к нам, чтобы новый праэтор видел, что его просят представители народа.

Площадь одобрительно загудела, заволновалась, закачалась. Вперед стали протискиваться добровольцы, готовые присоединиться к синhedрину. Послышались крики: «А почему обязательно из благородных семей? Разве только они почитают Бога?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.